

«Боюсь верить. Боюсь не верить»

Письма Владимира Башунова, выдающегося русского поэта, к другу Виктору Горну, литературоведу, критику, пионеру шукшиноведения на Алтае

**Владимир
Мефодьевич
Башунов
(1946–2005),
Александр
Михайлович
Родионов
(1945–2013),
Виктор
Фёдорович Горн
(1949–2012)
(Справа налево)**

Послания во Фрайбург мы даем с некоторыми умолчаниями, но даже и с ними ясно проглядывают сквозь строки «времена и нравы», литературное сообщество Алтая и России, сам поэт — его юмор, жизненная позиция, настроение.

Август, 1999

Витя!

Растравил ты меня своими разговорами о поездке, что мне ничего уже неохота: ни отчеты писать о Шукшинских, ни зачеты сдавать, ни кровь — ни хрена неохота.

Короче, если недоволен останешься моим рапортом, пеняй на себя, ибо — сам виноват. Куда я, к чертовой матери, поеду? <...> работы много, вся почти бесплатная, зато вся срочная.

Еще бы никто не приставал с ненавистной бытовухой — с гвоздями, молотками, обоями и прочей ерундой, то и вообще благодать бы. В мир выходить не поманывает, да уж и не выхожу почти. Кроме срочных заказных дел есть свои собственные затеи, но все тесно их на заднее крылечко, держу в очереди, в самом хвосте, ничего не успеваю, катастрофически не успеваю, жуть просто. Славные такие затеи, иным уже сто

лет в обед, стыдоба, и жалко: кажется, будто они бы получились. Когда доберусь, ничего путного не получится, это уж точно, зато теперь — кажется. Этими миражами и греюсь, и тешусь, и сыт бываю. Да параллельно рисую какие-то статейки, сшибаю копейки. Это тебе заплачка моя, или, на вашем ученом языке, — вместо предисловия к основному отчету.

<...>

На самих Шукшинских народу было тьма, ничего подобного никогда не было. С другой стороны, ни Астафьева, ни Распутина, ни Белова. Хорошо, случайно в эту пору в Новосибирске оказался Виктор Иваныч Лихоносов, и Миша Щукин¹ привез его на Пикет (все же Бикет правильно-то). Совершенно замечательный человек, настоящий, без примесей. Даже капли писательского пижонства нет, что у всех случается <...>.

Функционеры наши московские, из правления, ни один не появился. Плевать они хотели на по ту сторону Урала. Ладно, мы им не нужны, но не приехать к Шукшину — совесть надо иметь.

Из Москвы были только Витя Калугин² да Володя Карпов³. Из сибиряков кроме Щукина и кемеровчан (человек семь приехали, молодцы) тоже никого не было. Пили, конечно, но я на этот раз не принимал, так только, для видимости. Сдали все, по-моему,

1. Щукин Михаил Николаевич, писатель; в настоящее время главный редактор журнала «Сибирские огни» (Новосибирск).

2. Калугин Виктор Ильич, литературовед, критик.

3. Карпов Владимир Александрович, писатель, родился в Бийске в 1951 году, живет в Москве.

деградировали. Что в водке, что в слове. Один Володя Карпов молодец, там и там. Наши ребята, Толя Кирилин и Саша Родионов, явно сильнее всех (не по водке), заметно сильнее.

<...>

Витя Калугин позвонил мне из Москвы (он сейчас зам в «Москве», знаешь, наверно), пригрозил огромной подборкой из «Полыньи», чем-то она его зацепила — и прямо в досыл, в ближайший номер. Но показали мне на днях номер (Славе Григорьеву⁴ кто-то привез), а там всего 4 стихотворения вместо 4 страниц — видно, свои ребята, московские, вытеснили. Мне-то, честно-то, до лампочки, как говорили древние инки, давно уж перегорел, просто увидел, что старые добрые правила по-прежнему в ходу.

Вот и все тебе Шукшинские: тебя вспоминали, дивились на бесчисленный народ. Витя Калугин был ошарашен, нигде такого в России не видел. Виктор Иванович Лихоносов тоже был поражен — огромностью народа и его искренностью: искренностью, движения к Шукшину и друг к другу. На том и разъехались. Дальше жил тихо.

Март, 2000

Витя!

Начну писать в эту ночь, так сказать, в ночь текущую, а там в какую-нибудь из ночей авось и закончу. Тоска, Витя! Читал сегодня бегло некоторых наших авторов, каких ты хорошо знаешь. До чего все убого, прости меня Господи. И читать их, и общаться с ними. То ли со мной опять что происходит, то ли с ними ничего? Говорим на разных языках, все равно что итальянец с китайцем, еще хуже. Куда деваться-то? Совсем не знаю. Забиться на такую обочину, когда ни тебе, ни тебя не видно, смысла нет. Да и не получится, нереально: копейки-то надо зарабатывать, а это все равно среди них, — если не среди этих, так среди других, они везде, в любых сферах. Наверно, очередной кризис на меня свалился. Придется и очередной пережить. Тем более, что на днях от Вали Курбатова получил маленькую надежду. Пишет, что с Красноярском не все потеряно, что нынче в августе в Овсянке может случиться наша встреча. Боюсь верить. Боюсь не верить. Молиться буду, чтоб случилось. Как и все другое. Анне через день говорю, что нынче едем в Фрайбург. Из Фрайбурга Анну провожу в Россию, а сам побреду пешочком (или, может, ты подвезешь) во Францию, под Париж, останусь бомжевать на Сене, устроюсь под седьмым мостом слева, у второго (нет, лучше третьего) быка. «Прощай, немытая Россия...» Хватит с меня кровушку пить — кровушки не осталось.

21 декабря 2000

Витя!

Никак не могу сесть и написать тебе — одолели всякие заморочки. Время пошло очень плотное, ничего не выкраивается для себя. Вчера, например, надо было мне верстать новогодний (специальный) выпуск «Мытного двора». С утра помчался в типографию. Мчаться сейчас по нашему городу очень сложно: снегу нынче навалило, как давно уже не было. И валит каждый день — сыплет себе, сыплет. Всех видов транспорт еле шевелится, толпы народа стоят по городу, сплошь и постоянно — как на Красной площади во время праздников. Но примчался в типографию, в «Алтайскую правду». Поработал с часок, полетел в школу — на какой-то спецурок к Тане Карповой, просила

поучаствовать. А школа на Потоке. Вот представь, какие концы. Оттуда опять бегом, опять в типографию.

Встал сегодня в 4 утра, поэтому пишу наконец. А писать, честно сказать, шибко нечего. Идет эта круговерть, похожая на вчерашнюю, а то и того хлеще, каждодневно — что про нее напишешь? Целый день впопыхах. Ничего не успеваю, выстарился, что ли, как любил приговаривать Женька⁵. Давно его не видел, только по телефону. Да и многих давно не видел. О. Михаила⁶, например, Лёшу⁷, Левита⁸.

Родионова тоже давным-давно не видел, даже по телефону не окликаемся, встречу — не узнаю.

На днях умер Серёжа Иванищев⁹, причин не знаю, увидел в «Алтайской правде» соболезнование. Ужас какой-то, сплошные смерти. Кто бы мог подумать, даже 10 лет назад, когда уже, собственно, все началось, что жизнь так повалится. Близкая жизнь. Но валится и валится с тех пор, совсем роздыху не дает. Уже не знаю, где я больше дома: на кладбище или в городской суете. А хочется еще порыться в словах, слепить чего-то...

Просили стихи в «Москву», в «Сибирские огни», даже в «Алтайскую правду» настойчиво просили, прямо удивительно. Раздал наконец-то по этим адресам, сегодня в «Алтай» еще отнесу. Надо бы «Этюды» продолжить, осталось в запасе кое-что любопытное, надо бы много чего, да вряд ли сделается. Хотя вроде шибко не балуюсь — ни сном, ни чем другим.

С внешним миром связи почти нет. Только с Курбатовым¹⁰, в письмах.

1 января 2001

Витя!

«Жив и я, привет тебе, привет...» Как вы поновогодничали? Мы обычным порядком (уже обычным!): дома, без общения с миром, тихо.

<...> мы остались одни напротив телятника. Но там смотреть нечего, так что я больше внутри себя сидел.

Сегодня были у Галины Ершовой: 40 дней Лёше¹¹ — поминками в первый же свой день начинается новое тысячелетие. Знаковое начало, хотя мне уже не привыкать.

Видел мимолетом Лёшу Хорошилова, Валеру Казакова¹², Толю Кирилина... Все, больше никого не видел. Такое теперь общение: жизнь вконец разбежалась и, кажется, насовсем.

Тысячелетие-то началось, новенькое совсем, только вокруг все старенькое, как мать поставила, ничего не переменяется. Долго смотрел я в календарь и ничего утешительного не высмотрел, вольного времени или хотя бы продыху для себя не высмотрел: наоборот — ближайшие три месяца взаперти, носа не высунешь, все только что не по часам расписано. Надо бы уже сегодня, по-доброму-то, зарыться в бумаги, но лень, отодвигаю себя в безделье, тяну резину. Все это отодвиганье аукнется мне жестким режимом, знаю наизусть, не впервой, да лень раньше меня родилась, никак с ней не справлюсь. Планов громадье, обязательств — столько же. Как буду управляться — даже не представляю. Просто отдаюся на черную волю, на случай, на авось. Водки, правда, не пью, а надо бы. <...>

Обнимаю.

Март, 2001

Надеюсь, письмо мое успеет к 11 апреля. С днем рождения! Дай Бог нам побыть еще, чтобы встретиться!

4. Григорьев Святослав Иванович, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

5. Гушчин Евгений Геннадьевич (1936–2005), писатель.

6. Капранов Михаил Сергеевич (1944–2007), митрофорный протоиерей, с 1996 года был настоятелем Никольской церкви в Барнауле.

7. Хорошилов Алексей Александрович (1951–2015), в 1970–1980 годы сотрудник Алтайского книжного издательства.

8. Левит Владимир Изяславович, однокурсник В. М. Башунова и В. Ф. Горна.

9. Иванищев Сергей (?–2000), в 1960 годы студент филологического факультета Барнаульского педагогического института.

10. Курбатов Валентин Яковлевич, известный литературовед, критик; живет в г. Пскове.

11. Ершов Леонид Тимофеевич (1940–2000), писатель, журналист, с 1977 по 1986 год сотрудник Алтайского книжного издательства.

12. Казанов Валерий Михайлович, однокурсник В. М. Башунова и В. Ф. Горна.

Витя!

Еле раскачал себя немного, в основном своими средствами — постоянным, дневным и ночным, обливанием холодной водой — вот и пробую сочинить тебе отчет. Жизнь бекова, бековой не бывает. Хотя наперед говорить не стану: мало ли что там еще притаилось. Но, по крайней мере, прежде, сколько ни напрягал память, сколько ни перелистывал назад свой календарь, такой тяжести у меня все же не было. Тоска, тоска — как часто повторял Александр Сергеевич. Одна тоска и тягостное томление. Не успеваю огрызаться на все стороны. Не в буквальном, конечно, смысле. Сроки по заказной работе жестоко проиграл. Но даже вслед, после сроков, делать ничего не хочется — вот в чем главная беда. Да еще на свою голову согласился пойти в журнал на поэзию. Поддался на уговоры. Уговоры шли с разных сторон. Ну, я, дурак, и согласился. Как будто я там что-то переменить могу. Если толпа так беспомощно пишет (в том числе и сам я), что тут переменишь? И кто переменит?

<...> Получил приглашение из Красноярск — руководить семинаром поэзии. В конце мая. Зовут они и Курбатова на прозу. Дожить бы. Хотят собрать не только красноярцев, но всю Сибирь. Мне без разницы, просто Курбатова увидеть, Виктора Петровича¹³, других хороших людей, пообщаться, встряхнуться. Надо как-то дожить. Побывать еще разок в Красноярске. Здесь у нас тоже семинар, в конце апреля. Писательская грызня продолжается. Я в нее не лезу, хотя тянут со всех сторон.

Сентябрь, 2001

Витя!

Вообще-то обещанного три года ждут. Да и то — внутри России. А уж за пределами... не знаю, не знаю. Тебе в части обещанного мною отчета еще и повезти может — если, конечно, отечественная почта какой номерок не отколет. Правда, отчитываться на этот раз особо не в чем. Жизнь скупа, все больше затворничаю, да-с. Нынче 50 лет писательской организации. Торжественная часть состоится 1 октября. Что там будет и как — понятия не имею. Как-то что-то будет. У меня другие заботы, среди них есть самая главная, самая интимная, но из суеверия я ее пока вслух кричать не буду: чуть позднее, через месяц. А помимо заветной — полон рот всяких других, и нет им конца-краю.

Вчера в «Алтайской правде» повидался с Валерой Золотухиным. Обнялись, малость словом перекинулись. У него встреча с журналистами была. Те набежали: «Башунов, заканчивай, народ ждет». Но Валера молодец, отмахнулся: «Пусть подождет». Вечером еще по телефону поболтали, а сегодня утром он улетел в Кемерово.

<...> В Бобровке летом видишь одни женские задницы. Лиц нет: голова воткнута в грядки, снаружи одна корма. «Все в мире яд, важна лишь только мера» — это мой постулат, оселок, на который накручиваю свои пропагандистско-разъяснительные «беседы при ясной луне» и без нее. Сдвигов нет, фанатизм торжествует, сумасшествие продолжается, но я не отступлюсь. Теперь уж или-или. Кстати, сам я пообвылся в Бобровке в части работы с бумагами, в части сидения. Когда один, естественно. Теперь хочу увезти туда машинку, чтобы невольно и чаще ехать за ней — как за подружкой-декабристкой. Что-то роится в дурной башке, надо бы это что-то определить на законное и постоянное место жительства. Не хватает времени, сил не хватает. Спасибо тебе за кофе — на ём держусь.

С водкой, правда, завязал — теперь надолго. Отшиваю всех без оглядки. Выпил бы с Александром Сергеевичем, говорю, да уже не получится. Полная трезвость мне погланулась. Успеваю, конечно, мало, но хоть что-то постоянно делаю. Постоянно — великая вещь! Эх, если бы опомниться лет на 20 раньше. Или — всему свой срок? Как дитю в материнской утробе? Как в русской пословице: что сделано хорошо, то сделано вовремя? Может быть, может быть, поглядим. Я заметил: иногда откровенное безделье полезнее состояния делания. Что-то происходит в нас помимо нашего догляда. Эта подспудная работа и обеспечивает себя внешним бездельем. Я верю в свое наблюдение, но служить аргументом для других оно не может. Особенно для всякого рода и положения чиновников. Нас они считают чем-то вроде мясорубки, в которую кидай любой текст, и она выдаст готовый словесный фарш. Хорошо бы еще, чтоб мясорубка была электрическая и выдавала желаемое мгновенно. В огромных количествах. Даже самые просветленные из них совершенно не понимают, с каким сопротивляющимся материалом — словом — мы имеем дело.

<... > Не говорю (и не считал никогда), что у меня бог вещь какая чистота в исполнении, но вижу, что любой текст, до самого малого и как бы постороннего, выстроен удовлетворительно, а местами просто неплохо.

<...> Больше в архиве сижу да в Шишковке. Кстати, очень жалею, что поздно попал в архив. Вот где матерьялец! Саша Родионов молодец, давно там пастбище себе устроил. Работы, честно сказать, впереди толпится много. Залезть бы всерьез, глубоко зарыться, да ведь не дадут. Ни чужие, ни свои.

Нет, уеду в Бобровку, в совсем одиночество. Хочется потому что.

От меня все ждут новых стихов, просят журналы, Ольга Шевчук¹⁴ просит большую подборку, на страницу, я же пока шляюсь по другим палестинам. Но осень вплотную приблизилась, может, качнусь в желанную сторону. Эх, кабы еще одну такую осень, как, помнишь, в колхозе была! Тогда бы, при такой-то красоте точно расшевелился. Ну все, жди еще три года, прощайся, то есть — досвиданьяюсь.

Март, 2002

Витя!

Не знаю, хватит ли мне терпения и силенок одолеть такое пространство бумаги, такое количество белого матерьяла, не знаю.

<...>

На Рождество были у батюшки, позвонили в Красноярск Марии Семёновне¹⁵ (как раз было 40 дней), там оказался Курбатов. Мне как-то полегчало, что он все-таки доехал.

<...>

Жизнь утекает сквозь пальцы и бесследно.

В журнал даем прощальный разговор о Викторе Петровиче, так, я понял из всяких обмолвок, многие недовольны, что место заняли Астафьевым, ихние бесмертные творения потеснили. Я своего добился, а к их самомнению и дурным претензиям пора привыкнуть, да и привык уже, практически ни на что не реагирую...

Ладно, Бог с ними, все это ерунда в конце концов. Азарта нет — вот плохо. Утешаюсь только тем, что депрессия такого рода охватывала всех, даже Пушкина или Твардовского. Эх, засесть бы на несколько дней кряду за бумагу, а еще лучше — за компьютер. Не получается, находится «миллион терзаний», уводящих в сторону...

13. Астафьев Виктор Петрович (1924–2001), писатель, классик русской литературы.

14. Шевчук Ольга Николаевна, главный редактор газеты «Алтайская правда» с 1997 по 2007 год.

15. Астафьева (Корякина) Мария Семёновна (1920–2011), жена В.П. Астафьева.

А и все тут надоело, кругом «обман и подделка». Курбатову написал, что уеду к тебе, ты меня отвезешь под Париж, и я останусь навсегда бомжевать на берегу Сены. Быть по сему!

Октябрь, 2002

Витя!

Хотел написать много, слова прям теснились и во Фрайбург просились. А сел за бумагу — фпр! — куда-то все подевались, теперь не собрать.

От писательской организации мы откололись напроць — Саша, Толя, я¹⁶. <...>

В конце ноября в Новосибирске состоится четвертый съезд писателей Сибири. Ему (Владимиру Берязеву¹⁷ — прим. ред.) хочется, чтоб мы втроем приехали — опять же Саша, Толя, я. Я ему объяснил, что делегатами нас никто не выберет. Теперь пусть думает, как нас туда вытащить.

У NN вышла очередная пошлая книжка, а ему за нее <...> премию имени Лени Мерзликина. Тут уж я не стерпел, разнес его в пух и прах в рецензии для журнала. <...> Живу сейчас по строгому маршруту: архив, журнал, компьютер. Шаг вправо, шаг влево — самосуд, наручники, цепи железные.

Времени все равно жестоко не хватает, хотя сплю крайне мало, что тоже меня не красит.

На днях звонил Ванечка Жданов¹⁸, он здесь, надо повидаться.

<...>

Жаль в Бобровке у меня печь хреново служит. Да и свет уже отключен, и окна заколочены. А так — сидеть бы теперь там — дни стоят хоть и холодные, но ясные. Толя молодец, почти все время пропадает в своем имени, радуется. А я от своего маршрута ни на шаг в сторону.

Валя Курбатов тоже молодец. Пишет постоянно. Один я — ни стыда ни совести, и весь онутан ленью.

Ну ладно, на сегодня хватит. Поклон Галочке. Обнимаю.

Октябрь, 2004

Дорогой мой Витенька, милая моя Галочка!

Ратник поля Куликова шебуршится потихоньку. Кольчужку вот латаю, всю издырявленную стрелами вражескими, татаровьём проклятым. Копье подправляю. Наждака здесь нету-ка, надо бы меч заострить, пообилить весь о кости басурманские. Да кой-где и ржавь уже полезла. Вобщем, заботишек хватает, ладно хоть уколы перестали тыкать, время не отвлекают, вся тела имя истыкана, хуже стрел татарских. Я за всю свою многовековую жизнь столько уколов не получил, сколько здесь за один заход. 35 дней уже минуло, как я в синекуре пребываю. Уж и выходить отсюда неохота, жил бы и жил. Читай, пиши, пляши — чё хошь. <...>

Может, чё путнее, а то прямо бессмертное нацарапаю. Шевелится вроде внутри: «Выхожу один я на дорогу». Дальше, правда, не сочинил пока, но в уме держу. Про запас. Больше просится другое начало: «Как деньги заработать на дорогу до Фрайбурга, чтоб там уж — на Париж». И — прости-прощай, немьтая Россия! Но задачка сложная, с двенадцатью неизвестными. Думай, Владимир, говорю себе, думай, на то тебе и черепная кость пристроена, а не орехи грецкие бить для салата. Кстати, приеду, щи вам сибирские сварю, салатик какой-нибудь захреначу, у вас челюсти

без подготовки поотпадывают. У вас там шашлыки в городских скверах мужички жарят? У нас тоже. Вот и шашлычок сочиним теплой компанией. Да, Витя, за-был я тебе про один секрет п-ской ругани сообщить. Он там книжку одну костерит, про стихи. Это верно, я ее составлял, типа азбуки, чтоб люди, вконец заблудившиеся, хоть чуть разбирались бы, где стихи, а где фуфло. Только текстов моих там нет, я лепил мозаику из О. Михайлова¹⁹, А. Михайлова²⁰, даже немного В. Кожина²¹. Так что N вывел их на чистую воду: ничё не могут, одна этикетка, что классики.

<...> Чувствую, запас больничного койкоприсутствия во мне кончился. Начинаю нервничать, держусь, естественно, однако на пределе. Надо прибавиться домой, хоть ненадолго к компьютеру присаживаться. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» Первый раз я многих здесь напугал своей книжкой «Польня». Теперь вот, второй раз, фокусом с кардиоцентром. Фокус получился, круче некуда, самому не по себе.

Все, дорогой, обнимаю.

11 декабря 2004

Витя!

Проглотил я свой утренний деликатес, таблетки то бишь. И погрузился в душевную думу. Дай-ка, соображаю, напишу письмецо на родину, в Германию, во Фрайбург.

Мужики здесь жалуются на скуку, заняться им нечем, потому чаще бредут в курилку.

А мое занятие всегда при мне, никакой тяготы безделья не переживаю. Изучил два номера свежих «Сибирских огней», теперь имею мало-мальское представление о прозе и публицистике — для члена редколлегии полезно, сам понимаешь, а то ведь только стихи читал. Поэзия в «Сиб. огнях» сильная, бывают сбои, но редко. Пожалуй, сильней, чем в московских журналах. Это без всякого сибирского патриотизму. В нашем «Алтае» всего понамешано.

Перечитал здесь «Оду русскому огороду» Виктора Петровича. Вот диво так диво! Не зря ее сам он выделял у себя. Это не проза — это волшебство. И такого кудесника всякая тварь лаяла. Даже Распутин не удержался, даже теперь, после смерти, даже в Сроствах. Упреки в его сторону высказывал, это нехорошо на меня подействовало. На общем ужине в Бийске, когда мне велели-таки сказать слово, я, стоя напротив Валентина Григорьевича, сказал и об Астафьеве, о том, как всегда высоко и нежно отзывался [он] о распутинской прозе... Что толку от моих слов. Не поленись, перечитай «Оду», получишь великое удовольствие, поплачешь и посмеешься.

Как тут меня топчут нынешние заправилы убогого нашего литпроцесса, ты знаешь. Не помню, высылал ли я тебе ZZ. Шлю еще разок, на всякий случай. Третья рецензия — Толи Кирилина, в заступу мою. Удалось напечатать только в «Голосе труда» у Сапова²². Обрати внимание не на их стрелы каленые, какие все, пожалуй, летят мимо цели, а на злобность, с какою они их пускают.

Ну, вот, Витя, только что наконец-то сказали, что операция завтра. А время уже обеденное, долго меня неизвестностью мурыжили. Так что, оказалось, пишу тебе в самый канун моего торжественного акта.

Если, не дай Бог, всякое бывает, сам знаешь, то встретимся ТАМ.

Обнимаю. ◀

16. В 2002 году писатели Владимир Башунов, Александр Родионов, Анатолий Кирилин вышли из Алтайского отделения Союза писателей РФ и создали Союз профессиональных писателей Алтайского края.

17. Берязев Владимир Алексеевич, писатель, с 1999 по январь 2014 — директор и главный редактор журнала «Сибирские огни»; живет в Новосибирске.

18. Жданов Иван Фёдорович, поэт; в настоящее время редактор отдела поэзии в журнале «Алтай».

19. Михайлов Олег Николаевич (1932–2013), прозаик, литературовед.

20. Михайлов Александр Алексеевич (1922–2003), литературовед, критик.

21. Кожин Вадим Валерианович (1930–2001), литературовед, критик, публицист.

22. Сапов Виктор Григорьевич (1940–2005), с 1997 по 2005 год редактор газеты «Голос труда».